

МОТИВ ЧТЕНИЯ В РОМАНЕ В. СОРОКИНА «МАНАРАГА»
MOTIVE OF READING IN THE NOVEL «MANARAGA» BY V. SOROKIN

Аннотация: В статье приводится анализ мотива чтения в контексте романа В. Сорокина «Манарага». Автор приходит к выводу о двух интерпретациях мотива. В романе мотив чтения выступает инструментом иронического осмысления этого процесса в современных реалиях при помощи сжигания книг как самостоятельного шоу. Также мотив чтения является важной составляющей процесса писательства. Автор отмечает трансформацию мотива чтения в мотив писательства и, соответственно, метаморфозу читатель – писатель.

Ключевые слова: мотив чтения; В. Сорокин; литературная саморефлексия; книгоцентризм; постмодернизм.

Abstract: The article analyzes the motive for reading in the context of the novel by V. Sorokin «Manaraga». The author comes to the conclusion about two interpretations of the motive. In the novel, the motive of reading is an instrument of ironic interpretation of this process in modern realities by burning books as an independent show. Also, the reading motive is an important part of the writing process. The author notes the transformation of the motive of reading into the motive of writing, and, accordingly, the reader-writer metamorphosis.

Keywords: reading motive; V. Sorokin; literary self-reflection; book-centrism; postmodernism.

Мотив чтения в литературе присутствовал всегда. Нередко на страницах произведения читатель встречал тех или иных героев с книгой в руках. Книга неизменно оказывала влияние на личность персонажа и даже на развитие сюжета. Однако лишь с появлением постструктурализма мотив чтения стал связываться с литературной саморефлексией. В таком случае появление мотива чтения в тексте подразумевалось как попытка осмыслить назначение литературы, ее взаимодействие с читателем и возможное влияние на него. С мотивом чтения неразрывно связано и понятие рецепции, восприятия литературы читателем (уже реальным).

В романах В. Сорокина мотив чтения можно соотнести с явлением постмодернизма. В. Сорокин активно обращается к литературным произведениям прошлых времен, иногда вводя персонажей-классиков, заимствуя целые сюжеты или мотивы (сам роман «Манарага» – большой оммаж на произведение Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» и на некоторые собственные романы Сорокина, в том числе «Голубое сало»). Мотив чтения, по нашему мнению, занимает центральное место в романе В. Сорокина «Манарага».

Роман сосредоточен на таком явлении будущего, как book'n'grill. Book'n'grill – приготовление изысканных блюд при помощи своеобразного топлива – классических литературных произведений. Главный герой, Геза, – настоящий ас в этом деле, первоклассный шеф-повар. Роман построен в форме его дневника, в котором Геза рассказывает, как оказался втянут в настоящую детективную историю, – кто-то клонирует первое издание «Ады» В. Набокова, тем самым уничтожая элитарность book'n'grill. Геза пытается разобраться в этом странном деле. Попутно он посещает многочисленные гриль-пати, угождая клиентам очередным шашлыком из осетрины на «Идиоте» Достоевского.

В романе чтение – это не процесс восприятия информации с печатного носителя, а процесс сжигания книг (притом сохранена ирония, и само название оправдано, т. к. книги не просто сжигают, а еще и эффектно перелистывают страницы в процессе – в этом шоу и заключается) и последующее приготовление пищи на огне классиков. Нами было выделено два возможных пути интерпретации мотива чтения в романе:

1. Чтение на самом деле и является чтением, однако в романе этот процесс представлен при помощи метафоры поглощения пищи (как «глотать книги»). Тогда можно говорить о том, что в романе рассматривается «история чтения» в культуре.

2. Трансформация чтения в писательство. Получается следующая цепочка: за основу берется классическое произведение – оно сжигается (т. е. поглощается шеф-поваром) – на выходе имеем вкусную еду (еда как быстрое получение удовлетворения). Шеф-повар прочитывает классическое произведение, а потом – на его основе – создает свое, более облегченное и быстрое. Такая интерпретация нам представляется наиболее сложной, так как процесс чтения хоть и присутствует, но является лишь причиной для появления другого мотива – мотива писательства, создания текста.

Обе интерпретации не существуют по отдельности в тексте романа: они постоянно пересекаются и перекликаются друг с другом.

Во многом мотив чтения сопровождается иронией (а то и сарказмом). В. Сорокин хоть и подчеркивает важность чтения устами Гезы:

Книги для меня не просто дрова, как их называют в нашем поварском подпольном сообществе. Все-таки книга – это целый мир, хоть и ушедший навсегда. В этом смысле я романтик. Я сын гуманитария, внук стоматолога, правнук адвоката, праправнук раввина. И я знаю точно – если ты любишь книгу по настоящему, она отдаст тебе все свое тепло [4, с. 6].

Но тут же добавляет, что не дочитал ни одного романа:

А я люблю русскую классику, хотя не прочел и до середины ни одного русского романа. И я не буду жарить стейк на писателе второго сорта, вроде Горького. Вся классику я и моя умная блоха знаем наизусть: сюжет, биография автора со всеми подробностями, дата выхода бумажного полена. Это необходимо знать каждому повару, даже если он вообще не умеет читать книги. А таких людей у нас, к сожалению, все больше. Хотя, безусловно, чтобы хорошо прочесть книгу, повару необязательно ее прочесть. Парадокс XXI века [4, с. 7].

Сначала Сорокин пишет о тепле, которое отдает книга при настоящем прочтении (когда она тебе близка душевно, ты ее понимаешь, и автора тоже).

Это иронично звучит в ключе чтения шеф-поварами. Книга действительно отдаст тепло – то, на котором приготовят стейк. Также автор иронично рассматривает процесс чтения в контексте современных реалий. Люди «читают книги», не умея этого делать (зато держат в голове всю основную информацию при помощи блох – интернета). Еще интереснее ирония выглядит, если смотреть в контексте писательства, а не чтения. Тогда речь идет о графоманах.

Также этот момент интересно рассматривать в контексте гипотезы о трансформации чтения в писательство – тепло, о котором идет речь, перейдет в следующее произведение. Писатель (возможно, постмодернист) читает Толстого и пишет роман, в котором есть отсылки к этому самому Толстому. Читатель узнает их и смеется – вспомнил самого Толстого и его произведения. Так у современных писателей формируется двойное узнавание – есть стиль Сорокина, но, читая Сорокина, мы с теплотой вспоминаем и Толстого (кстати, в самом романе присутствует отрывок, пародирующий Толстого). В романе фигурируют и графоманы, которые «читать» не умеют и не хотят, готовят дешево и без вкуса.

В. Сорокин, рассматривая историю чтения, обращает внимание на современное состояние данного явления. Для этого он вводит одну из особенностей футуристического мира – в этом будущем книг не читают (и даже не печатают). Такая фантазия появилась не на пустом месте, ведь подобная проблема существует уже в наше время (мы получаем информацию поверхностно, нас уже не интересует вдумчивое погружение в текст, особенность клипового мышления; также речь может идти конкретно о том, что уходят в небытие именно печатные носители информации, все переходит в цифровое пространство). Важно отметить, несмотря на всю иронию автора по отношению к современному состоянию чтения, он показывает, что эмоциональный отклик всё же остается, например, дамы, которые плачут над рождественским меню на Вирджинии Вулф (хотя и тут, конечно, присутствует ирония).

В контексте истории чтения также затрагивается послевоенный период XX века, когда «... всем вдруг отчаянно захотелось почитать». В. Сорокин пишет о читальнях. Читальни – место, где проводились нелегальные чтения. Если принять на веру, что речь идет об истории чтения, то навязчивыми видятся параллели с СССР, где был только соцреализм. Однако Сорокину важно отметить и то, что было время, когда читали все (особого выбора не было), и качество оставляло желать лучшего, читали ради того, чтобы читать.

В связи с этим В. Сорокин вводит в свой роман культурный код элитарной – массовой культуры и трансформирует его. Элитарная культура поначалу возрастает. В контексте истории чтения это логично. Сначала массовый запрос, от которого все быстро устают, далее – элитарный. Сама подпольность действия становится роскошью. Шеф-повар (или настоящий писатель) – это тот, кто способен на риск, не довольствуется малым, у которого есть вкус, принципы, а на выходе – шедевр.

Но когда в сюжете романа появляются молекулярные клоны первого издания «Ады» В. Набокова, то В. Сорокин явно показывает кризис элитарной культуры. Из-за своей эксклюзивности она мало что может предложить читателю, тогда как массовость может удовлетворить любой вкус.

Сорокин показывает, как чтение стало процессом чистого удовольствия («Как наставлял нас Zokal: „Помните, вы должны создать и поддерживать в жаровне процесс, напоминающий пролет колесницы Юпитера по утреннему небу!“» [4, с. 15]). Ушла концепция Сартра о том, что чтение должно пугать, сводить с ума читателя, тем самым открывая ему ужасные, неприглядные, но важные истины.

В. Сорокин также много пишет о том, как уходит традиция любви к поэзии. При этом он говорит об этом как в контексте чтения (поэзия не в ходу), так и в контексте писательства (жарить на поэзии – не принято).

А вот поэтические сборники – не в ходу. Это объяснимо, но все-таки – жаль: в России поэзию обожали во все времена, за три века вышло множество книжек [4, с. 55].

Очень важно описание еды, которая получается при жарке книг. Как отмечено в самом романе, каждая книга требует своего блюда. С одной стороны, еда становится аналогией самой книги. Например, самые трудные блюда готовятся на сложночитаемых произведениях вроде «Чевенгура» Платонова или «Подростка» Достоевского. Из «Подростка» получается мраморная говядина, Сорокину важно отметить, что приготовление стейка из нее – «лихое чтение», есть опасность, что дыма будет много, а стейк так и останется сырым. Такая аналогия приводит нас к тому, что сам роман скорее остросюжетный (оттого и чтение лихое), а смысловая его наполненность может и не оправдать ожидания читателя (оттого стейк и может выйти сырым).

Еще раз подобную аналогию мы встречаем в эпизоде с клиентом, который вдохновлен Толстым, пишет рассказы в его стиле, ведет аскетичный образ жизни. Тогда Гезе приходится жарить на рукописи «фаната» морковные котлеты, что отлично отображает суть книги. Сам клиент, похожий на Толстого, как раз отображает идеального читателя, который после книги стал манифестом образа жизни, который восхвалял Толстой.

С другой стороны, каждый вариант блюда для книги – это метафора интерпретации произведения. В романе в качестве примера такой книги приводят «Аду» В. Набокова: *«На „Аде“ можно приготовить любую комбинацию из морепродуктов на дюжину персон; бараньи котлеты, перепела, рибай получатся в лучшем виде, она потянет и седло косули. Великая книга!»* [4, с. 114]. Количество блюд говорит о том, насколько книга глубока по смысловому содержанию.

Таким образом, мотив чтения в романе репрезентируется при помощи иронического образа сжигания книг, на угле которых готовят еду. Мотив чтения неразрывно связан с феноменом «духовной пищи» (и в ироническом смысле тоже). В контексте данного произведения духовная пища предстает развеществленной метафорой, где важны оба компонента: и еда, и дух, которые выступают в синтезе и определяют, с одной стороны, потребительскую эпоху, а с другой – новый формат писательства (ту самую мидл-литературу, которая стремится к совмещению в себе развлекательного и интеллектуального, то есть элитарной и массовой культуры).

Библиографический список

1. Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика.

Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.

2. Бройтман, С. Н. Теория литературы : учебное пособие : в 2 т. / С. Н. Бройтман, Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа. – М. : Академия, 2004. – Т. 1. – 321 с.

3. Кафидова, Н. А. Читатель как проблема поэтики / Н. А. Кафидова // Вестник РГГУ. – 2010. – № 11 (54). – С. 97–109.

4. Сорокин, В. Манарага / В. Сорокин. – М. : АСТ : Corpus, 2017. – 256 с.

5. Турышева, О. Н. Мотив чтения в структуре повествовательного сюжета / О. Н. Турышева // Вестник ЧГПУ. – 2010. – № 1. – <https://cyberleninka.ru/article/n/motiv-chteniya-v-strukture-повествовательного-сюжета> (дата обращения : 19.02.2018).

6. Турышева, О. Н. Повествование о читателе: литература в полемике с теорией / О. Н. Турышева // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – № 3 (11). – <https://cyberleninka.ru/article/n/повествование-о-читателе-литература-в-полемике-с-теорией> (дата обращения: 19.02.2018).

7. Чупринин, С. И. Русская литература сегодня. Жизнь по понятиям / С. И. Чупринин. – М. : Время, 2007. – 768 с. – <http://litrus.net/book/read/111291?p=144> (дата обращения : 10.02.2018).

8. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения 10.02.2018).